

Современный Барышников

БАЛЕТ

Самый знаменитый танцор в мире, живая легенда Михаил Барышников ушел из классического балета, но не ушел со сцены. В Нью-Йорке начались выступления его труппы современного танца.

Барышников — единственный деятель русской культуры (за все времена), которого знают в лицо все американцы. Портрет Барышникова, как писал Аксенов, так же легко можно встретить в доме фермера в Арканзасе, как и в редакции модного журнала в Нью-Йорке.

Человек более знаменитый в США, чем все русские нобелевские лауреаты — включая ныне живущих в Америке Солженицына и Бродского — вместе взятые. (Последний, посмеявшись, говорил в недавнем интервью, что некогда в Ленинграде они с Барышниковым ухаживали за одной девушкой и «Митке показывали меня... А теперь мне показывать его»).

Единственный русский, разделяющий в США лагерь Гомбачева: обоим американцам можно звать «Митя».

Единственный русский, чья фамилия стала в Америке названием продукта народного потребления (если не считать верто-

тов Сколково): популярное белье, лосины и трико марки «Baryshnikov».

За жизнью и работой Барышникова пристально следят все американские газеты и телекомпании. Разделы «летител и слушай» из «лучшей жизни земных существ» всегда спешат сообщить о новых подробностях первого брака Мити с кинозвездой Джессикой Ланж, о его работе с Баланчи-

ным, о предполагаемом новом романе Барышникова, о скандале, с которым Барышников покинул в 1989 году пост художественного руководителя Американского театра балета, или о будущих его сегодняшней счастливой семейной жизни.

Американские балетоманы без заноски могут аalloжить (благодаря осекающему Митину биографии журналы) основные неки на тути кумира: 20 лет назад покинул ленинградский Кировский балет и начал танцевать на Западе. Восемь лет назад последний раз ставил в «Жизнели», четыре года назад основал свою труппу современного танца «White Oak Dance Project» («Танцевальный Проект «Белый Дуб», названный так в честь флоридского поместья мецената Гондара Гилмана, где впервые собралась на репетиции труппа).

Последние четыре года Барышников не танцевал классические балетные партии: он экспериментировал в современном танце, периодически копируя в труппах балетмейстеров-новаторов Пола Тейлора, Марти Грэмма, Марка Морриса и работал с «Белым Дубом».

Одновременно он путешествовал со своей труппой по планете: «Белый Дуб» выступил в 90 городах мира. Наконец, труппа Барышникова вернулась в США и неделю назад начала давать представления в Нью-Йорке.

На его концерты, как и прежде, раскупают.

Барышников создал принципиально новую концепцию балетной труппы: здесь нет культа и диктатуры звезды-балетмейстера. Важен есть коллектив, состоящий всего из восьми опытных, немодальных по балетным меркам танцоров, собираемых вместе, чтобы экспериментировать в современных балетах, поставленных разными хореографами-модернистами.

В концертах, которые дает «Белый Дуб» в

Нью-Йорке, танцы поставлены семью самыми популярными балетмейстерами-новаторами.

Хотя участники «Белого Дуба» сами в шутку называют себя иногда «группой развалик», Барышников утверждает, что труппа, несмотря на 40-летний средний возраст танцоров, в прекрасной форме и что он вообще предпочитает работать с ветеранами. «У них уже сделаны карьеры, — говорит он. — Им нечего терять и не надо ничего никому доказывать. Они знают, как наиболее продуктивно распределить силы и включить партию быстро и четко. А главное, у нас нет проблем самолюбия».

Барышников утверждает, что за три десятилетия в балете он устал от его классической формы: «Танец-модерн менее манерен, более человечен, заземлен, правдоподобен».

Американские балетные критики высказывают сомнения: только ли желание поэкспериментировать заставило Барышникова уйти из классического балета? Может быть, дело в его физической форме: танцору 46 лет, после травм он перенес три сложные операции на колене.

Барышников утверждает, что это ерунда: «Я бы мог продолжать танцевать в классическом балете, сколько захотел. Некоторые партии я бы оставил, но другие: в «Жизнели», «Спящий красавец» и в некоторых постановках «Белого Дуба» и Джиселетто я бы мог танцевать и сегодня, и завтра. Но меня это все перестало вдохновлять. Сейчас я делаю более сложную вещь: некоторые из наших современных танцев исполнить труднее, чем оба акта «Жизнели»...

Дмитрий РАДЫШЕВСКИЙ,

собор «МН» Нью-Йорк

Новый Гоголь народился...

ДЕБЮТЫ

сую судьбу Достоевского. Немедленный визит маститого Максимилиана Володина к юной Цветановой по протечению ее дебютного сборника «Вечерний альбом» — тоже. И кто знает, что стало бы с Ахматовой, если бы Гумилев (не понимая качество ее стихов после своего возвращения из Африки. Это все примеры хрестоматийные, но представляю себе и другой вариант развития событий: с «задержанным» на четверть века «Достоевским», а потом и «Севастопольскими рассказами». Куда бы пошла в этом случае вся русская проза без Толстого?

Результат канонизации слова литературной жизни предыдущих семидесяти лет обрушился разом на новейший период нашей словесности. И те, кто должен был стать за это годы реальным дебютом, оказались опята-таки в исключительно трудных условиях: چگونه выдержать первый творческий экзамен, противопоставив на слове Большого в заглавной партии рядом с Пясицкой? А разве не то же самое было впечатлением в журнале рядом с неизвестным Платоновым, впервые опубликованным Ходасевичем, выпущенным из сам-в-самозабвении сердцем?

Только сейчас, постепенно, шаг за шагом мы начинаем приближаться к эпохе грамотных литературных дебютов. Молодой поэт — поэт-дебютант действительно таковым и является — не Евгений Хорват, чей дебют состоялся уже раз поэт, а двадцатилетние Маша Степанова и Марина Астия. Тридцатилетний Михаил Кукин уже запоздал.

Дебюты делятся не: а) современные, б) задержанные и в) запоздалые. Примеры задержанных уже раз поэт, а двадцатилетние Маша Степанова и Марина Астия. Тридцатилетний Михаил Кукин уже запоздал.

а в «Прямая линия» или «Старые книги». Для настоящего дебюта надо было пройти через журналы; что отстает необходимым и по сей день, ибо даже цивилизованные издательства в России пока лишь в лучшем случае следуют за известными авторами, не рискуя их открывать, делать имя.

Итак, грамотный современный дебют теперь действительно связан с молодым, а не только вновь открывшимся дарованием. И происходит он, как правило, и журналы, «стихотворения» своего дебютанта и тщательно следим за его литературным поведением, за его «верностью», ревниво отмечаем «измены» или «пачканы» постигнутой новичка — в связи с головокружением от неожиданных успехов — забывчивости. Журнал старается закрепить перспективного дебютанта в своем издании и твердо проставляет ему «кредит» — дабы не соблазнили, не переманили — не один раз в году, как это принято даже с литературными звездами. И все же объясняемые и затиснутые редакцией дебютанты довольно часто проявляют изумную неблагодарность, а то и ступидность — лет не то что кусая трижды кормилца, но пластично поворачиваясь к кормильцу другой. Дебютанты делятся на интеллигентных и экстенсивных. Интеллигентные постепенно обжигают газету или журнал как родительский дом, экстенсивные захватывают все новые и новые территории: «Новый мир» и «Октябрь», «Дружба народов» и «Знамя». Виктор Пелевин после успеха «Знаменских» («Омни Рав» и «Жизнь насекомых» появились с «Желтой стрелой» в «Новом мире», а между ними — и с рассказом в «Октябре», стихи Михаила Куткина вышли полноразмерными («Знамя» (декабрь), «Дружба народов» (февраль), «Новый мир» (февраль). Стратегия поведения издателя выступил подчас в противовес: что со стратегией поведения экстенсивных дебютантов, проявляющих дерзость нравя-равнительно с прошлыми временами — не примечную. А редакции более чем собло-

дающие — блюдушие свой интерес, демонстрируя «равнодушие» к открытым в социальных редакционных государствах, — то и дело возмущая о рождении нового Гоголя, чью данный Гоголь, бывает, уже год как впечатался у соседа. Так случилось с Эдуардом Пустынником, которого год назад печатали «МН».

Существовать в еще одна ревнивая реакция на издательском журнальном дебютанта, появившегося в соседнем издании: вместо перекрета — игра на понижение, чем можно объяснить неадекватно взлобленную «знаменских» Михаилом Шипицыным реакцией Аллы Марченко (в «Новом мире»).

Я помню два дебюта все-таки удачные. Дмитрий Галковский, «путник расщепленного» и «Новым миром», и «Знаменских», и «Нашим современником» (я теперь в «Контактном»), судя по нежной и желчной, а то и разрывной реакции критики на поведение человека, не считающегося ни с какими литературными устоями, критика, которая бы поставила дебютантом мало что запоздалым — неудачными: тысячекратный «бесконечный тупик» не издан, тычки и пишки отсюда. Но на «неудачниках» дебют отнюдь не счастлив — напротив все, как говорится, «сладко».

Моя на «веру», когда знаменитость давала новичку «оборотный путь», прошла. Теперь, бывает, и знаменитость трепещет, открывая газету с резкой статьей неизвестного критика.

Своего неизвестного имя звучит для уха редактора чуть ли не соблазнительнее имени знаменитого, да читали мы Искандера, Гоголя, Пушкина, Маяковского, а вот Иванова, Петрова и Сидорова вызывают неподдельное оживание в литературном стане.

Эпоха самодостаточности, когда читатель становился близким по духу коллегой (друг, товарищ, брат), прошла. Далеко из дебютантов, так же как никто из авторов, ныне не записаны, не гарантированы как от придирающей критики (свободное дело), так и от собственного, убого, дилемного, поставшего, например, Олега Ермакова, с высоты блистательных рассуждений и добротного «Знамя» вернувшись, спустившегося в унылую дощечку новоявленного «Челюсти» и знаменитого «Горюхи». Никто не гарантирует от самопогони, сниженного памяти о архаизм-канальном дебюте Валерия Нарбиковой. Полнота приватности дебютантов объясняется и, отключе от приватности «государственной», действует. Что же? А все того же; открывается редакционная дверь и в ее проеме возникает молодой человек. С рукописью. Заходит.

Наталья ИВАНОВА